

Žaža, Stanislav

[Heinz, Ch. Untersuchungen zur Zeit- und Agentivitätsstruktur des russischen Verbuns (am Beispiel des Präfixes do- und des Zirkumfixes do-...-sja)]

Opera Slavica. 2002, vol. 12, iss. 4, pp. 56-58

ISSN 1211-7676

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/117430>

Access Date: 29. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Heinz, Ch.: Untersuchungen zur Zeit- und Agentivitätsstruktur des russischen Verbums (am Beispiel des Präfixes do- und des Zirkumfixes do-...-sja). In: *Studia et exempla linguistica et philologica (SELP), Series I. Studia maiora, T. VI, Editor Klaus Trost. S. Roderer Verlag, Regensburg 2001. 382 s.*

Исходя из названия рецензируемой публикации, можно с первого взгляда судить, что читатель получает информацию только об одной частной проблеме русского глагола. На самом деле перед нами находятся два более или менее самостоятельных исследования, в первом из которых автор представляет свою общую концепцию временной и «агентивной» структуры глагола (с. 10–13), во втором – исходящий из этой концепции подробный анализ 434 глаголов с указанным префиксом (циркумфиксом) (с. 104–136). Составной частью монографии, кроме того, является третья глава, содержащая ряд статистических данных, диаграмм, рисунков и таблиц. Библиографический аппарат включает в себе список анализируемых глаголов с указанием всех мест их нахождения и список использованной литературы, превышающий число 200. В нем, кроме большинства работ немецких и русских исследователей, имеется и немало статей других авторов, в частности английских и американских, а также чешских и польских. Все это является доказательством серьезности и тщательности анализа, характеристических, впрочем, для большинства немецких лингвистов. Автор монографии опирается главным образом на обдуманную концепцию К. Троста, однако, формулируя свои взгляды, он подвергает критическому анализу и мнению многих других авторов.

В основе концепции временной структуры, которую Х. Гейнц описывает в первой части первой главы (с. 16–75), лежит дифференциация между содержанием глагола (*Verbalinhalt*), отражающим лишь его лексический компонент, и значением глагола (*Verbalbedeutung*), охватывающим также нелексические, семограмматические элементы. К первому уровню, семантическому, относится способ глагольного действия (СГД – *Aktionsart*), ко второму – вид глагола. Автор описывает разные типы и средства выражения СГД, уделяя большое внимание, в особенности, сложным отношениям между видом и СГД, и справедливо отрицая их смешение. Вместе с Тростом он присоединяется к мнению, по которому СГД основан на принципе длительности/недлительности (*Durativität – Dauer/Nichtdauer*), охватывая корпус всех глаголов. В связи с этим не вполне понятно мнение, выраженное на с. 33, что СГД представляет решающий критерий распределения глаголов по принадлежности к виду, видовой парности или к ее отсутствию. Не совсем ясна также причина, по которой глаголы как *надать*, *брать*, *бросать*, приведенные в таблице на с. 52, характеризуются как *aktionsartlos*.

Вариации в системе СГД, заключающиеся в разного рода альтернативах величин *durativ – perdurativ – nichtdurativ* описаны убедительно, однако терминологический аппарат их описания (*кон-, экс-, пер-, ди-, ре-, транституция*) кажется нам чрезмерно обременительным. Указанные вариации не всегда полностью убедительны: почему, например, отношение *дать – раздать* характеризуется как диституция, а *дать – передать* как перституция (с. 50/51)?

Полностью приемлемы общая концепция и подробный анализ категории вида и частные характеристики; спрашиваем лишь, правильно ли характеризовать глаголы *махнуть*, *кольнуть* как *perfectiva tantum* (с. 70), когда существует несовершенный вариант *махать*, *колоть*.

Достойна оценки последовательность, с которой во втором подразделе (с. 75–100) описана т. наз. агентивная структура глагола (*Agentivitätsstruktur*), т. е. свойства, вытекающие из отношения актанте к действию/состоянию, выражаемому глаголом (*Exekutionsart*). Глаголы распределяются на финальные (с активным производителем, напр., *читать*, *говорить*), каузальные (с неактивным каузатом, напр., *спать*, *бояться*) и реляционные (относящиеся к ситуации X, напр., *быть*, *верить*). Финальные глаголы делятся еще далее на абсолютно финальные и относительно финальные, а именно на основании того, возможно ли их сочетание исключительно с активным, или, кроме того, и с неактивным субъектом. Похвальное стремление к максимально точной семантической дифференциации основано на факте, что существуют глаголы, трудно включающиеся в ту или другую рубрику (как автор сам справедливо замечает); однако как раз поэтому нам кажется, что чрезмерно детальная классификация уже почти перестает выполнять свою задачу и приводит к необходимости считаться в повышенной мере с омонимией (см. с. 330 сл.). Утверждение о том, что отрицательный императив финальных глаголов связан со значением запрещения, между тем как императив каузальных глаголов имеет значение предупреждения, оказывается не вполне убедительным; так, напр., финальное *стоять* может выражать предупреждение: *не стой здесь (падают камни)!*, в то время как каузальное *спать* – запрещение: *не спи (когда с тобой говорят)!*

Что касается аналитической части монографии (с. 104–116), можно с удовлетворением оценить, что анализ, которому здесь подвергается материал, последовательно соответствует принципам и закономерностям, описываемым в первой части книги. Автор, хотя носитель неславянского языка, с удивительным пониманием метко постигает весьма тонкие оттенки глагольных значений, надежная дифференциация которых нередко представляет затруднительную задачу даже для русского или чеха. Эта щепетильная точность очень симпатична, однако ее последовательное соблюдение иногда вызывает затруднения: так, напр., близкие по значению глаголы *докормить*, *довязать*, *докосить*, *домолоть*, *дошить* приводятся как в числе финитивных (с. 148–153), так и комплетивных (с. 178–192), однако вполне аналогичные *допахать*, *доварить*, *дополоть*, *дорыть* среди финитивных отсутствуют. Так же обстоит дело с глаголами *догореть*, *доцвести*, *дорости*, *дотлеть* (с. 148–152), которые классифицируются как финитивные, между тем как аналогичные *дозреть*, *догнуть*, *добродить*, *досохнуть* – как комплетивные (с. 182–188). Относительно комплетивных глаголов автор отстаивает мнение, что достижение цели в них не связано с преодолением препятствий или затруднений (с. 170) в отличие от адвентивных глаголов движения (с. 120). Однако, напр., действие адвентивного глагола *доплыть* (с. 138) никаких препятствий не предполагает, между тем как у комплетивных глаголов *доломать*, *дорубить* (с. 180, 181) можно легко с ними считаться. Глагол *довалеть* можно считать префиксальным лишь с исторической точки зрения,

почему автор его справедливо в списке и не приводит (см., однако, о нем на с. 356). Отчасти аналогичны и глаголы *достигнуть*, *достигать* (интересно, что в ч. яз. имеются и беспрефиксальные *stihnout*, *stihat*). Метко описано и различие между глаголами с префиксом *недо-* (*недоставать*) и положительными глаголами с отрицательной частицей *не* (*он не докурил*) (с. 170).

Подводя итоги нашей рецензии, нужно еще раз подчеркнуть, что настоящая публикация Я. Гейнца, разработанная с образцовой тщательностью, приносит весьма полезные сведения, касающиеся сложной проблематики русского глагола, вследствие чего она заслуживает высокой оценки.

Станислав Жажжа

Pastyřák, S.: Witajće do Łužicy. (Úvod do horní lužické srbštiny). Univerzita Hradec Králové, Gaudeamus 2002, 96 s.

Recenzovaná publikace je živým dokladem toho, jak tolik diskutovaná lužická srbština, (které je často prorokován jako živému jazyku zánik), přece znovu proniká na naše univerzity. A je velkou zásluhou Pedagogické fakulty v Hradci Králové, že učinila úvod do jejího studia součástí slavistického semináře pro studenty bohemistiky. Lužická srbština je totiž velmi zajímavou kapitolou pro každého slavisticky zaměřeného filologa, který se zajímá o historický vývoj slovanských jazyků; studenty bohemistiky mohou mimo jiné zaujmout také četné bohemismy v prvních písemných památkách a nejen v nich (neologismy podle českého vzoru byly pro krásnou literaturu vytvářeny i v první polovině 20. století např. v díle J. Lorence-Zaléského). Pro studenty slavistiky je v neposlední řadě důležitý obecný srovnávací kontext, v němž lze na příkladu lužické srbštiny sledovat jazykové i literární procesy společné všem slovanským jazykům.

Jak sám autor v předmluvě píše, nejedná se o systematickou mluvnici horní lužické srbštiny, nýbrž o soubor pracovních materiálů určený pro práci v semináři. Autor je sestavil na základě učebnice J. Šolčinové a E. Wornara *Obersorbisch im Selbststudium*, Budyšin 2000, dnes již klasické gramatiky z roku 1978 od H. Šewce, příručky ortografie a interpunkce od P. Völkelera z roku 1974 a dále z novin, časopisů a materiálů Letní školy lužické srbštiny z roku 2000. V přehledu chybí nejnovější morfologie H. Fasky z roku 1981.

Že si autor vybral hornolužickou srbštinu, je příznačné: její nositelé, žijící v okolí Budyšina a Lipska, prosazují svůj jazyk na literární půdě mnohem výrazněji, než tomu je a vždycky bylo v Lužici Dolní. Autor však dolní lužičtinu zcela nepomíjí a některé texty (Otčenáš či neoficiální lužická hymna *Krásná Lužice*) jsou uvedeny v obou jazycích.

První část obsahuje krátké vysvětlení geografického pojmu „Lužice“ a „Lužický Srb“ a krátký přehled literatury (zcela však chybí 20. století). Na dalších stranách autor přináší přehled výslovnosti a pravopisu a základní údaje o slovních druzích kromě slovesa, kterému je věnován celý druhý oddíl. Část první je pak zakončena úryvkem ze